18+

Оттокар фон Адеркас

1659

Сцены времен Польско-Шведской войны

Оттокар фон Адеркас

1659. Сцены времен Польско-Шведской войны

«Издательские решения»

фон Адеркас О.

1659. Сцены времен Польско-Шведской войны / О. фон Адеркас — «Издательские решения»,

Драматическое произведение — «Сцены времен Польско-Шведской войны» описывает события в Ливонии, Литве и Курляндии накануне судьбоносного для Европы Оливского мира (1660), рисуя портреты и взаимоотношения современников молодого Людовика XIV. Сюжет разделен на три Эпизода, которые смыкаются в Курляндии в 1659 году.Книга предназначена для ценителей истории и культурного наследия.

© фон Адеркас О.
© Издательские решения

Содержание

От автора 6
Эпизод 1. Балтийский ветер 9
Акт 1 10
Сцена 1 10
Сцена 2. В Осажденном Пернау 11
Сцена 3. В шатре Госевского 13
Сцена 4 14
Сцена 5. У Митавы 15
Акт 2 18
Сцена 1 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

1659
Сцены времен Польско-Шведской войны

Оттокар фон Адеркас

To Baron George Piggot
my associate of the Order of St.Johnes,
a distinguished expert and a true connoisseur
of art, knights poetry and blade.

© Оттокар фон Адеркас, 2026

ISBN 978-5-0071-6613-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

«Сцены времен Польско-Шведской войны» отражают события в Ливонии, Литве и Курляндии накануне судьбоносного для Европы Оливского мира (1660). В конфликт были вовлечены упоминаемые монархи: Король Польши Ян Казимир, Король Швеции Карл Густав, Великий князь Московский Алексей Михайлович, Курфюрст Бранденбурга и Герцог Пруссии Фридрих Вильгельм, Герцог Курляндии Якоб Кеттлер и пр. В течение этого тринадцатилетнего противостояния менялись нравы и границы, происходила модернизация армии — её структуры и приёмов ведения боя. В драме упоминаются разные виды кавалерии, оперирование которыми часто решало исход сражения[1].

Произведение разделено на три эпизода, которые соединяются в Курляндии в 1659 году.

Первый эпизод основан на биографии шведского генерала Фабиана Адеркаса (1604—1683) с того времени (1659), как фельдмаршал граф Роберт Дуглас (1611—1662) сменил на посту губернатора и командующего шведскими войсками в Ливонии графа Магнуса Делагарди. Из шведских военачальников упомянут также генерал Фридрих Лёвен (1600—1669). В этом эпизоде мы встретимся с персоной известного военачальника Винцента Госевского.[2]

Второй эпизод описывает события, предшествующие сражению под Верками (1659), после которого гетман Госевский попал в плен и несколько лет провел в Москве.

В эпизоде упомянуты исторические лица: князь (принц) Богуслав Радзивилл (1620—1669), гетман Павел Сапега (1609—1665), Александр Казимир Сапега, епископ Жамойтский[3], епископ-суфрагант Виленский (1624—1671) и пани Магдалена Госевская (жена Госевского). Также мы встретим упоминание воеводы Долгорукова и его отношение к стольнику Волынскому.[4]

Третий эпизод описывает подробности гибели гетмана Самуила Комаровского (1610—1659), которая и сегодня остаётся нераскрытой тайной своего времени.

Несмотря на то, что вымышленные персонажи в драме отсутствуют, следует подчеркнуть, что их диалоги являются литературной условностью, а их политические настроения диктуются не позицией автора, а реальным положением вещей. В силу обстоятельств, они не могут быть симпатизантами Великого княжества Московского. Его истории сюжет не касается, но косвенные упоминания наверняка заставят читателя спросить о мотивации действий Долгорукова в Жемайтии[5]. Возможно, сам он и не считал свои поступки жестокими, но местному населению не оставил выбора для разнообразия мнений.

---

[1] Рейтары, казаки и гусары — в данное время виды кавалерии, различающиеся вооружением и способом ведения боя. В отличии от XVIII века, гусары — самая тяжёлая кавалерия, вооруженная латами и пикой. Рейтары вооружены кирасой, шпагой и пистолями, казаки — самый легкий вспомогательный вид кавалерии с саблями.

[2] Гетман Винцент Корвин-Госевский (1620—1662) был известным военачальником Великого княжества Литовского, ловким политиком и эстетом своего времени. Будучи в плену, занимался переводами с французского. В ходе похода на Ливонию, осадил Ригу и Пернау, но вынужден был снять осаду и увести армию обратно.

[3] Жамойцы — совр. Жемайтия (Литва)

[4] Долгоруков ненавидел Волынского за публичный скандал перед Царём. Михаил Волынский настолько не хотел служить Долгорукову заместителем, что даже был подвергнут заключению. Позже сделал вид, что примирился. При Ковно именно отряд Волынского оказался в смертельной опасности.

[5] Долгоруков планировал «над людьми тех городов промышлять». На это последовало одобрение и пожелание «над польскими людьми надо промышлять, смотря по тамошнему делу», но без огласки. Но и это выглядело иронией, так как земли Трокского, Виленского и Ковенского воеводств были отданы Долгорукову в кормление «чтоб ратным людям нужды никакой в кормах не было».

Каково историческое соответствие описываемых событий и можно ли считать Сцены своего рода историческими хрониками? Наверное, здесь автор должен, подобно своему Радзивиллу, встать на колено с повинной головой и признаться в невозможности подобного.

Нашему читателю для понимания вопроса необходимо избавиться от современной терминологии, названий и политических трактовок. Фон этих событий не является конфликтом Швеции, Польши, Литвы или России. Это вопрос династических приоритетов. Под Литвой понимается не современная Литва, а Великое княжество Литовское, объединявшее земли Литвы, Белоруссии и прочих западных территорий былого Великого Киевского княжества. Например, в переходе части литовской элиты к Швеции нет ничего национального. Это попытка отстоять свои территориальные права и личные родовые интересы путем признания династических прав Карла Густава в ущерб правам Яна Казимира или Алексея Михайловича.

Надо помнить, что именно та Литва являлась главным соперником Москвы за объединение земель Древней Руси. Также важно, что обращения литвин, ливонец, курляндец или московит никак не носят национальный или уничижительный смысл. Именно так и именовались в то время жители (или подданные) Великих княжеств Литовского и Московского и пр.

Относительно понимания политических настроений, можно сказать, что информационное поле безгранично замусорено всевозможными идеологическими искажениями. И единственная здравая мысль бьется тут, как золотая рыбка на развале серой безжизненной сельди. Мысль эта заключается в том, что во все времена люди считают правильным воздаяние за причиненное зло. Зла этого между соседями всегда бывает достаточно для того, чтобы любой повод мог стать основанием для конфликта в любые времена. Здесь нет и не может быть виноватых, потому что в подсознании человека такой конфликт не может быть несправедливым. Именно поэтому наиважнейшее значение приобретают на войне великодушие и достоинство. Память о них и позволяет такие конфликты прекращать.

Вторым важнейшим фактором того времени является религия. Уже целое столетие идут в Европе религиозные войны, и вера становится привычным аргументом для удара. Само отношение к религии было совершенно отлично от современного. Оно разнилось и между сословиями, и внутри самого человека. Церковь ещё не была настолько отделена от светской власти. Поэтому часто критика по отношению к служителям церкви была сильнее, а реакция на проповеди этих же служителей могла быть исполнена чистой веры.

Что касается упомянутых персон, то они являются настолько наполненными жизни, что скупые диалоги не могут этого передать. Энергия, изощренное коварство и личные интересы сочетаются здесь с преданностью, искренней верой и любовью невероятной нежности и силы.

Одна их физическая динамика отличается от современной. В седле или в карете они успевают там, где не успевает современный человек в автомобиле.

Какими были в действительности эти люди? Возможно ли полностью их понять? В лице фельдмаршала Дугласа сочетались мрачный пуританизм и робкое коварство, преданность королю и меркантильная забота о собственном имуществе. Он был абсолютно беспощаден, но вот мы видим его во главе своей потрёпанной армии, когда он целый день сражается, чтобы спасти своего племянника Спенса.

Гетман Госевский сочетал в себе безрассудного героя и ловкача, сбрасывающего одежду, чтобы спастись от плена, переплыв реку. Как командующий армией он выражает верность королю и переписывается с Радзивиллом. Но в этой же роли он готов использовать вверенную ему армию, как свою собственность, для решения личных целей, и переписывается уже с московскими воеводами, желая стать правителем Ливонии. При этом он — любящий муж и отец. Сегодня он поэт, а завтра, рискуя жизнью, израненный, он прикрывает отход своих солдат.

Наконец, Богуслав Радзивилл, ярчайшая личность своего времени — настоящий патриций, воин, политик, эстет и магнат готов оставить всё ради любви к своей юной кузине. Возможно ли полностью раскрыть эти образы в подобном произведении? Конечно, нет. Автор

лишь пытался воздать должное памяти этих людей и привлечь внимание современников к ярким личностям яркой эпохи.

Эпизод 1. Балтийский ветер

Действующие лица:

Фельдмаршал **Дуглас**
Генерал **Лёвен**
Генерал **Адеркас** командир ливонского
отряда в шведской армии
Его офицеры:
Полковник **Икскюлл**[6]
Капитан Толкус
Командиры курляндских рейтаров:
Полковник **Корфф**
Полковник **Шварцхоф**
Лейтенант Шлиппенбах
Госевский Полевой гетман Литовский
Полковник **Жеромский**, командир его гусар
Лоттиус пастор в шведском войске
Иоганн **Любек —** партизан «Слепой Валентин»[7]

Офицеры, рейтары, вестовые, денщик.

[6] Для сюжетной линии в одно действующее лицо были объединены два полковника Икскюлла Отто и Иоганн, которые поочередно командовали одним из полков в отряде генерала Адеркаса.

[7] Бывший имперский ротмистр Иоганн из Любека, которого называли и «Слепой Валентин», и «Кривой сержант», пробовал себя в роли кондотьера, и набирал отряд волонтеров из дезертиров разбежавшейся армии герцога Якоба. Сам себя он именовал вождем курляндских партизан.

Акт 1

Сцена 1

Шведско-ливонский лагерь около Риги.
Шатер генерала Адеркаса.
Полог шатра широко распахнут.
Генерал перебирает бумаги, подбегает вестовой.

Вестовой
Мой генерал! Рейтар подходит рота.
Ведет её Карл Толкус — капитан.
Он к вам спешит с пакетом.

Адеркас
Зови его скорей!

(Входит капитан Толкус).

Капитан
Мой генерал, с дурными я вестями!
Госевский гетман перешел Двину
И с войском всем своим идет на Ригу.
Вот вам приказ от графа Делагарди.

Адеркас *(С досадой).*
Одна волна сменяется другою!
Отхлынул московит, так жди литвина в гости.
Над нашей слабостью натешиться спешат —
Что триста всадников моих против десятка тысяч!
С Москвою мир подписан ненадежный,
Так этот недремавший коршун тут как тут!
Через Курляндию прошел, конечно!
Видать, нейтральный герцог Якоб
В окно смотрел, да в сторону другую!
(Читает).
Приказывает граф немедля мне
Идти в Пернау[8], возглавить гарнизон.
И сам туда прибудет с подкрепленьем.

Капитан
Точно так! Я, мои рейтары
В распоряженье вашем.
После Риги Пернау — наш важнейший порт,
Отправлен Толь с отрядом все припасы, пушки

[8] Совр. Пярну (Эстония)

Из Вендена[9] и прочих городов везти туда.

Адеркас
Да-а, планида городов тех незавидна —
Что пищей станут для литовского магната.
За Ригу я спокоен — гарнизон там крепкий.
Не по зубам орешек сей литвину.
Что ж, снова в бой — опять поместьям убыль.
Король дерется наш со всеми сразу…
Воинственный монарх — беда есть или благо?

Капитан
Хозяйствам всем урон! Чума. Страну
Враг лютый мучит. Но почести…

Адеркас
Достало б тех, кто почести получит!
Раз дан приказ — не станем медлить.
К Пернау в путь! Вели седлать коней.

(Уходят).

Сцена 2. В Осажденном Пернау

Стены Пернау.
Генерал Адеркас осматривает долину,
Поднимается полковник Икскюлл.

Икскюлл
Мой генерал! Гонец прорвался в город —
Отходит Делагарди в Ревель[10]. К нам
Он не смог пробиться снять осаду.
Пропала с тем надежда на спасенье —
Во власти полной мы врага, что осаждает город.

Адеркас
Смотри, мой Икскюлл дорогой, в долину.
Что ты видишь? За лагерем литовским
Ни одного печного дыма не струится.
Сколь хватает глаз, всё помертвело —
Всё разорено. Где дом крестьянский,
Там чума косила жатву. Непогребенные тела,
Окоченев, оскалами врага встречают.
Ноябрьский бриз летит позёмкой с моря,
Пришельцев радуя незваных до костей.
Они уже на беженцев похожи. Снуют, галдят,

[9] Совр. Цесис (Латвия)
[10] Совр. Таллинн (Эстония)

Чтобы на Мойр[11], меж них сидящих, не смотреть…

Икскюлл
Госевский выглядит безумцем, начиная
Осаду в столь плохое время.
Как станут рыть они траншеи? Или…

Адеркас
Точно!
Не станет рыть траншей литвин спесивый!
Вон — гоголем красуется пред войском.
И планы все его видны, как на бумаге.
Он думает случайною победой
И шумным лагерем своим, и гамом
Смутить купцов, чтоб те, в испуге,
Позорной сдачи требовать пришли.
Так нет же, просчитался гордый гетман!
В нас гордости не менее пребудет,
Чтоб глотки их трусливые заткнуть,
И край родной здесь защищать достойно!
У нас есть порт, а вместе с ним припасы.
А что у них? Пустая мертвая округа.
Вошел Госевский в Венден наш без боя.
И что с того? Опять пустые склады.
Метель одна на улицах, что предвещает
Ему несладкое холодное житье.
Как саваном она его накроет войско!

Икскюлл
Неужто думает, что станем мы терпеть,
Как он осадою обкладывает город
И будет мирно греться у костров?!

Адеркас
Ну нет! Раз вором к нам пришел,
Мы не дадим ему тут мирного тепла!
Вот мой приказ: готовить пушки к бою!
Зарядов хватит, бить в любой момент,
Как только подойдут на выстрел.
Ты же бери рейтар и каждый день,
А то и дважды, лишь только выдохнут,
Труби атаку снова днём и ночью.
Из всех ворот, но так, чтобы из разных,
Их вылазками станем беспокоить.
Подобно ветру с Балтики
Проймем литвина до костей!
Наш ветер переменчив, подождем

[11] Мойры — вершительницы судеб. В данном случае означает, что судьба осаждающих уже решена.

От короля мы радостных вестей.

(Занавес).

Сцена 3. В шатре Госевского

Шатер Госевского в ночном осадном лагере.
Шум, выстрелы, крики. Сигнал тревоги.
Госевский вскакивает с походного ложа.
Вбегает офицер.

Офицер
Сановный гетман! Новая атака!

Госевский
Проклятье! Сил терпеть нет больше!
Зови полковников немедленно сюда!
И денщика[12] ко мне — одеться!
(Вбегает денщик, гетман одевается,
входят с поклоном Жеромский и офицеры).
Что там? Опять у нас потери?

Жеромский
Так! Отходят снова шведы в город,
Преследовать неможно из-за пушек.
И вновь убитых два десятка будет.

Госевский
Решил я снять проклятую осаду. Стоим
Три месяца, а мы теряем больше!
Зима страшна, но оттепель страшнее!
Как холода отступят, что нас ждет
И явится, что было скрыто снегом?…
Чумы тогда средь нас не избежать.
А потому — отходим спешно в Венден!
Обоз оставить, не тушить огней —
Пусть думают, что мы ещё на месте.
(Офицеры с поклоном выходят, Жеромский остается).

Жеромский
Сановный гетман! Нешто московит…

Госевский
Да. Помощи не будет! Как я мог помыслить,
Что можно с Нащёкиным[13], со змеем этим

[12] Денщик — солдат-слуга при офицере

[13] Боярин Афанасий Ордин-Нащёкин (Нащокин) (1605—1680), военачальник и коварный дипломат. Оставлен Царем Алексеем Михайловичем воеводой на захваченных землях в Ливонии. Имел тайные сношения с Герцогом Курляндским, с гетманами Госевским и Комаровским.

Договориться. Блестит он чешуёй в траве.
То веткою колючей обернётся, то палкой
Вдруг прикинется. И в тот момент,
Когда тебе нужна… Нужна эта опора.
И горе, коль опёрся на нее — кольцом
Вкруг шеи тут же обернётся!
Пока мы мёрзнем тут и ждём подмоги,
Себе он замок взял Мариенбург
И шведу обещался миром. Уходим!
Гусаров наших надобно сберечь.
Идём верхами, быстро, без привалов.

Жеромский
Пехота не поспеет…

Госевский
Что ж! Спасти бы лошадей!
Жолнеры[14] пусть спасаются, как могут —
Быстрее побегут, коль жизнь им дорога.
Не поручусь, что шведы не пошлют погони.
В седло, мой друг, и выносите кони!

(Уходят).

Сцена 4

Стены Пернау.
Генерал Адеркас выходит на стену.
Следом поднимается полковник Икскюлл.

Икскюлл
Мой генерал, бежал Госевский ночью!
Лагерь брошен. С ним брошен и обоз,
Хоть проку в том немного.

Адеркас
Трубить всем сбор! Преследовать врага!
Обоз оставлен?! Да их жизней мало,
Чтоб расплатиться за столь дерзостный набег!
Да, ветер Балтики таков, как есть:
Вчера гнал прочь, сегодня подгоняет.
Течение за ним свое меняет русло.

(Вбегает вестовой).

Вестовой
В версте замечен генерала Лёвена штандарт!

[14] Жолнеры — наёмники-пехотинцы.

Адеркас
Установить с ним связь! Преследуем литвина!

(Сигнал сбора, вбегает ещё один вестовой).

Вестовой
Мой генерал, известия из Риги: с войском
Фельдмаршал Дуглас сходит с кораблей.
Команду принял он и хочет вас видеть
В армии — в своем движении на Венден.

Адеркас
Пророчил ветер я, а тут покрепче будет.
Вперед друзья, и пусть Господь рассудит!

(Занавес).

Сцена 5. У Митавы

Шведский лагерь возле Митавы[15]
Шатер фельдмаршала Дугласа.
Дуглас у стола, входят генералы Лёвен, Адеркас и полковник Икскюлл.

Дуглас
Что ж господа, прошу вас ближе к карте.
Госевский уклоняется от боя —
Отводит он свои полки к Литве,
И по всему выходит — нам следовать за ним.
Но посмотрите: здесь теперь наш лагерь.
Вот здесь литвин идет маневром скрытым.
Здесь будем мы отрезаны Двиной,
Тут московит, что держит Кокенгузен[16],
А позади: вот тут, и тут, и тут
Курляндских войск уже десяток тысяч.
В тылу Митава — там рейтар под двадцать сотен.
Опасно положенье наше, и зависим
Мы сильно от курляндских настроений.

Лёвен
Но выглядит нейтрально герцог.
Радушен был и принимал любезно.
Нам содержанье обещал и даже…

Адеркас
Позвольте, генерал! Известна та любезность

[15] Совр. Елгава (Латвия).
[16] Совр. Кокнессе (Латвия). Резиденция Нащёкина.

Нам на деле, не на словах!
И этот интриган коварный тоже.
Кабы не плел сетей, не знала б наша Рига
Осады страшной, земли — разоренья.

Дуглас
Вы были там при графе Делагарди?

Адеркас
Точно так! И этот соловей курляндский
Тогда свистать нам песни преуспел,
Шпионов подсылая. Смущая гильдии
На сдачу и позор, чтоб прятали добро.
Где было видано, чтоб отказать
Его Величеству по предписанью
Кормить коней, мол, городским овсом.

Дуглас
Всё так! Нейтралитет курляндца ложный!
Сам до костей он лжив и родич всем врагам
Короны. Ударит ли? Посмеет ли открыто?
А как в тылу его оставить нашем?
Доверить целой армии обоз и провиант
На волю и на милость интригана?

Лёвен
И тем не менее, нейтрален он. У нас
В пехоте мор, иль что-то в этом роде.
С больными судно к Риге я послал,
Одно, но нужно много больше.
Не выйдем же мы с этим войском в поле!
И как в полках порядок соблюсти,
Спиною обратясь к литвину? А войск
У герцога побольше наших будет…

Адеркас
Не так опасен глиняный гигант —
Лишь тень его, подчас, внушает ужас.
Митавский замок слабо защищен:
Мы видели одних лишь новобранцев —
Вчерашних пахарей, неделю от сохи.
Рейтары же стоят в предместьях и
Не поспеют оттуда помощь быстро оказать.
Ударим смело в лоб открыто:
К стенам пехота с барабанным боем,
А Икскюлла рейтар пошлите под ворота.
Как те откроются, иль нерешительность,
А он уж во дворе. Посты пехотой снимем.
Уверен, что крестьяне оробеют:

Ведь многие ни пороха, ни пушек не видали.

Дуглас
Пока рейтары хватятся, их герцог уж в плену!
А без него нет ни интриг, ни писем тайных,
Ни команд. Глядишь и войско разбежится.
Мне нравится такой отважный план!
Тем более, что сам король тому благоволит
И говорил не раз, что герцог Якоб
Достоин плена и отъёма городов.
Что, Икскюлл, как готов ты будешь?

Икскюлл
Хоть сей же час! В седле мои рейтары.
Горят желаньем королю и делу послужить.

Дуглас
Так решено! Вы опытней всех, Лёвен,
Пехоту подберите половчей и свежих.
На лодки посадите их, и к стенам цитадели
Плыть, как давеча больные проплывали.
Затем на берег. Развернуть знамена,
И строиться под барабанный бой!
А ты, Икскюлл, веди своих к воротам,
И пусть трубят команды «Строиться» и «К бою».
И поглядим: как крепок герцог Кеттлер.

(Уходят. Сигналы, барабанный бой, занавес).

Акт 2

Сцена 1

Покои фельдмаршала Дугласа в Митавском замке.
Фельдмаршал Дуглас у стола. Рядом генерал Адеркас.

Дуглас
Вот славная потеха вышла!
Весь замок наш, а с ним и склады.
Не думал я, что герцог Якоб столько
Здесь накопил запасов, пороха и пушек…
И он в плену. В плену весь штат его,
Семья и все министры. Без головы
Олень Курляндский пусть трясёт рогами[17].
Мы же успех такой на карту не поставим!
И за Госевским «на удачу» не пойдем —
Пусть обнаружит он сперва себя
Маневром или делом, тогда решим.
Пока же мы отходим к Риге и силы
Сбережем для главного сраженья.
Вас, генерал, позвал я для того,
Чтоб поручить вам рейд по землям этим.
Курляндские рейтары отошли,
И планы тайные открылись в полной мере —
Ждут польских подкреплений. Собрав
Кулак, верней хотят ударить. Мы ж
Не дадим тому осуществиться! Но главное:
Погоня за Госевским противоречит плану короля.
Его Величество от нас ждет смелого
Манёвра — к границам Пруссии,

[17] Курляндский олень — геральдический символ Курляндии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.